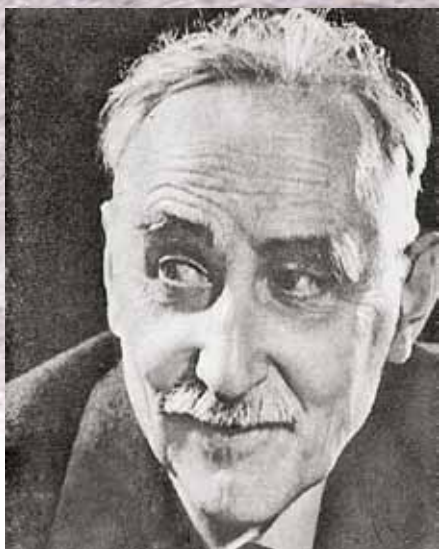

Николай Ушаков (1899–1973)

Горсть живых семян

Моя поздняя встреча с поэзией Николая Ушакова и его живым человеческим обликом, который рисовался в воображении, пока готовилась эта подборка, — неожиданно осветилась удивительным и, думаю, промыслительным случаем.

В конце минувшего лета мы с семьей отправились на несколько дней в Ростов Великий. Мы хотели не торопясь посмотреть этот древний город, побывать в окрестных монастырях и музеях. И слава Богу, все наши замыслы осуществились.

Перед самым отъездом мой близкий друг, открывший для меня стихи Николая Николаевича, дал в дорогу его тонкую книжечку «В пути» (1981), — составленную из стихов, найденных в домашнем архиве после кончины поэта.

Я уже знал, что Николай Ушаков прожил долгие годы в Киеве, где существует улица его имени, где давным-давно открыта мемориальная доска, и где он почитается безусловным классиком советской поэзии. Знал, что с середины 1990-х там появилась и одноименная литературная премия, присуждаемая украинским поэтам, пишущим на русском языке.

А вот откуда родом этот загадочный человек, написавший хрестоматийные строки «Чем продолжительней молчанье, тем удивительнее речь...», — я не знал.

Впрочем, где-то промелькнуло, что он-де «уроженец русского Севера».

...И вот, сидя поздно вечером в гостиничном холле со своим ноутбуком, раздумывая над ушаковской подборкой и путешествуя по сети, — я прочитал вдруг на краеведческом портале «Сидоровский народ», что совсем недавно нашлись бумаги, подтверждающие рождение и крещение будущего поэта в Ростове Великом! Я с волнением подошел к темному окну, за которым угадывались купола ростовских церквей. Значит, он отсюда.

За сорок лет жизни в литературе у него вышло без малого сорок книг.

Драгоценными жемчужинами мерцают в них те, которые почти незаметно сообщают благодарному читателю, что рукой тонкого лирика и драматичного в своих переживаниях человека, — водила не только «обычная» тяга к письму, но и благодать Божия.

А чудесные строки о горсти живых семян навсегда выбиты на его могильном камне. **Ф.**

Заместитель главного редактора
журнала «Новый мир» **Павел Крючков**
Рисунок **Марии Заикиной**

Вино

Г. В. Шелейховскому

Я знаю,
трудная отрада,
не легкомысленный покой,
густые грозди винограда
давить упорною рукой.

Вино молчит.
А годы лягут
в угрюмом погребе, как дым,
пока сироп горячих ягод
не вспыхнет
жаром золотым.

Виноторговцы — те болтливы,
от них кружится голова.
Но я, писатель терпеливый,
храню, как музыку, слова.

Я научился их звучанье
копить в подвале и беречь.

Чем продолжительней молчанье,
тем удивительнее речь.

1926

Иоганн Себастьян Бах

Мне дорог Бах...

Ну как бы вам сказать,
Не то, чтоб нынче музыки не стало,
Но вот такого чистого кристалла
Ещё нам не являлась благодать.
Какое равновесие страстей,
Какая всеобъемлющая совесть,
Какая удивительная повесть
О брошенной в века душе моей!

1927

Exegi monumentum

Семена крылатые и зерна,
свежие осенние утра:
благодетельна и благотворна,
близится
моей зимы пора.

Ни печалей,
ни дурных насмешек, —
сине-ледяная высота.
Вот опять летит сухой орешек
на парящей плоскости листа.

Освежающее утро ясно,
ночь ушла.
Рассеялся туман.
Я, ей-богу, прожил не напрасно —
памятник мне — горсть живых семян.

1940

* * *

Если можно было бы сначала
жить начать одним прекрасным днем,
я б хотел, чтоб иволга кричала,
чтобы набухал простор дождём.
Чтобы плакал мир его слезами,
и от слез мне было бы светло.
Жить с сухими, жесткими глазами
слишком, слишком, слишком тяжело.

1946

Весне

Хотя меж нами расстоянья,
хотя меж нами времена,
но прежнего очарованья
ты на мгновение полна.

Моё видение минутное,
как прежде, кажешься простой,
и душенька твоя уютная
сияет ризой молодой.

Мной передуманная заново,
протягиваешь руку мне,
и бледная рука до самого
туманного луча в луне.

1950

* * *

Собор Андрея и откос.
Стоят старухи со свечами.
На них весенними очами
С креста глядит Иисус Христос.

И со свечами весь Подол
Стоит у горного порога,
И я на Днепр взглянуть пришёл —
тепло душе, и слава Богу.

1951

После больницы

Моя Вселенная — мой дом,
и то не весь —
одна квартира.
Что же осталось мне от мира,
который за моим окном?

Остался юг,
остался север,
остались запад и восток,
остались искры в стратосфере
моих надежд,
моих тревог.

Все стороны,
все государства
глядят ко мне в мое стекло.
Не ограничено пространство,
но время,
время
истекло.

1973

